

Об авторе. 64 года. Живет в Тель-Авиве (Израиль). "Родился в Ленинграде. Стихи начал писать в школе...

Первые публикации - в 1961-1962 в коллективных сборниках, в которых участвовали поэты ленинградского литературного андерграунда. Учился на химфаке ЛГУ. Работал библиотекарем, грузчиком, бутафором, водителем автобуса. С 1992 в Тель-Авиве. Публиковался в периодике, антологиях, альманахах России, Израиля, США, Германии, Франции, Великобритании. В 2003 г. в Израиле вышла книга стихов «Мед из камфоры». Финалист поэтического конкурса «Заблудившийся трамвай» им. Н.С.Гумилева (2010). Лауреат премии им. Юрия Штерна за вклад в израильскую культуру в номинации «Поэзия» (2009).

* * *

Стонет море – не о нас?
На ветвях рыжеет финик,
А живущему сейчас –
Быть в тепле своих эмпирик.

Ходят к пляжу – ночь попить,
Дуют в темень голощеко,
Говорят себе: «Изыдь!»
Добавляют: «Хорошо как». –

Хорошо, не хорошо,
А пока что, а пока что
Дышат в шелк и порошок,
Парой щек идут по кашлю –

Так живущих узнают,
Словно ниточка к ладони,
Словно очень узок юг
И не может длиться доле.

В небеса гудит волна,
Вот оттуда и видна с них
Невозможная луна,
Перевернутая на смех.

Оттого и хороши
Пряник, финики, иголки.
Хор сыпучий нерушим
Смехотворной самоволки.

* * *

Я Урию немного, да послал.
На дело верное. На то он и вассал.
Теперь страна мне – родина убытка.
Я собственного ужаса фискал.
То, что сыскал, подвесил жить на нитку.

Версавия, виновна только ты.
Придут за мной серьезные менты, –
Я объегорил грубого Саула.
Сластена! Неженка! Едва надел порты,
Как в электричке выдвинулась Тула.

Пил пиво смертных – раз там был вокзал.
Я клялся – а язык-то я не знал.
Во рту жевало чувствовалось глухо.
Блажил народ, и я в него базлал
Из царского пастушьего треуха.

Меня потом вдоль берега реки
Незнаемой влекли за ползунки
И чем-то острым горло врачевали.
Поэтому «Москву и Петушки»
Издали издали в запретном Трансваале.

Я говорю: «Не виноват Саул.
И Урия в ненужный миг соснул».
Из края в край всю душу я избегал.
Ход регулярных войск – монаршеский разгул?
Или, Вирсавия, обида женских регул?

Вирсавия, я смертен или я
Не царь земных? На Песах Илия,
Побрезговавший нашего стакана,
Истошного бежит хулиганья.
Вирсавия, о как же ты коханна!

* * *

А, может, Истории надобен русский народ? –
На клюквенном фарсе, в потемках грибного настоя.
Наташа Ростова, состарившись, водочку пьет,
Гагарин на корточках реет в пространство пустое.

И ходит, бликующий там в жаропрочном пенсне. –
Кто дядю окликнет? - Спаситель? Аллах? Иегова?
Что пилят всем ноги в строжайше-безвыходном сне,
Внедряя в ползущих предсмертный наркоз Пирогова?

Прощай, Севастополь, – не все ж парусить в Трапезунд!
Толстой уроняет на дымное поле фуражку.
А вот и выходит, что все то ли треп, то ли зуд,
С которым и Ленин тротил завернет в промокашку.

Очнись, я не буду, – на свете ни зла, ни добра.
Какое добро? – лишь пожитки спасенной утраты:
Выпиливать будущих вновь из больного ребра
И компоновать соответствий случайные даты.

Виктории наши сомнительны – на шельмачка.
А тем и хмелеем, и логике поулыбайся,
Ведь каждая слава вмещается в будки ЧК
Бородкою Троцкого, лисьим незнанием Чубайса.

Тут зря нас учили, что пишем Историю мы.
Нырять в метро с головою, несомой от взрыва.
Мы только ревниво мелькаем в проплешинах тьмы,
На станциях смысла успев обернуться: «Счастливо!» –

Пока! До прибытия в нами дичающий рай.
И время плеснет через край. – «Остановка? Я вышел?
Давай, отворяй!». – Так напрасно бумаг не марай
Улыбчивым мясом раздавленно скачущих вишен.

Лихая удача, лихая – особо черкнем, –
А кто из народов стезю самопальную чертит,
В то время как Запад, сражаясь троянским конем,
Века заполняет шарнирным аллюром от смерти?

Инертных машинок наделает всякий народ.
Молитвенный всплеск лишь приюавит азарт КПД-шный.
Во всякой скворешне пенсне протирает пилот,
Потев свободой потешно в мечте безутешной.

А что человек в совокупности ражих манер
С прищуром в грядущее, годное к завтрашней вспашке? –
И деторождений он генный едва ль инженер,
Пакующий страсти в исходный размер промокашки.

Я правду сказал, что Историю пишем не мы?
И не западай на высокий восторг инженерный.
Мы слепы? – Мы слепы. В границах указанной тьмы,
Где можно и выжить лишь злым обонянием скверны.

Что также ведь спорно – кому там и что обонять. –
Сейчас не об этом, а то еще ты разреवेशься,
Что маму и родину, или же мачеху-мать
Предашь поруганью, иначе – продашь ни за грош все.

Наташа Ростова в горящую избу войдет.
Гагарин фуражку, пошарив, на поле отыщет.
А что из ребра? – Да не знает об этом народ.
Вбегают поганки замерить объем пепелища.

Мы тоже из леса. И в лес чередой уйдем,

Пожив на опушке, чтоб каждый свой хвойный наркоз нес.
Из космоса вышли обжить возгораемый дом.
И вышли из дома осваивать новую косность.

Нам выбор не выдан. Нам правда нужна? – Не слышать.
Тот чижико-пыжик с Фонтанки. – Ай, бился в душе б чиж!
Тем паче, что космос дано бесконечно пахать. –
«Удача какая!» – на звезды осклабясь, дошепчешь.

[Страница автора в Сети.](#)